

Лиссбет Котцова

Развод с герцогом злодеем

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К73

Котцова Л.

К73 Развод с герцогом злодеем / Лиссбет Котцова. — М.: Литнет, 2026. — 520 с.

ISBN 978-5-524-00308-9

Я умерла в тот миг, когда узнала: муж изменял мне с лучшей подругой.

Но вместо забвения очнулась в чужом теле — в роскошной спальне, в мире романа, где мне уже отвели роль злодейки.

Теперь я Элиана Вейр. Ненавистная жена холодного герцога. Женщина, которую обвиняют в покушении на его возлюбленную. Та, кого через месяц должны казнить за измену короне.

В прежней жизни я слишком долго терпела предательство.

В этой — не стану.

Я не буду умолять мужа о любви. Не буду плакать перед его фавориткой. Не позволю сделать из себя чудовище ради чужого счастливого финала.

Мой первый приказ самой себе прост: выжить.

Мой первый удар — прошение о разводе.

Только герцог почему-то не спешит отпускать жену, которую презирал. Он смотрит на меня так, будто понял: перед ним уже не прежняя Элиана. И он прав.

Потому что прежняя Элиана была обречена.

А я собираюсь переписать эту историю кровью тех, кто решил похоронить меня раньше времени.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00308-9

© Литнет, 2026

© Котцова Л., 2026

Глава 1. Кольцо на столе

Дождь начался ровно в тот момент, когда Марина поняла: домой она сегодня возвращается не женой, а дурой.

Такси остановилось у подъезда, фары на секунду выхватили из темноты мокрые ступени, чёрные стволы деревьев и знакомые окна на седьмом этаже. В одном из них горел свет.

И это было странно.

Андрей должен был быть в командировке.

Марина ещё утром сама гладила ему рубашку, собирала в дорожную сумку документы и слушала, как он раздражённо повторяет по телефону кому-то из коллег:

– Нет, я вылетаю вечером. Да, на два дня. Всё решу сам.

Она тогда подумала: устал. Последние месяцы Андрей часто был злым, резким, холодным. То задерживался на работе, то забывал перезвонить, то отмахивался от её вопросов коротким: «Не начинай».

Марина не начинала.

Она вообще слишком долго не начинала.

Слишком долго делала вид, что не замечает чужого запаха на его шарфе. Слишком долго улыбалась, когда он прятал телефон экраном вниз.

Слишком долго убеждала себя, что брак – это не сказка, что у всех бывают тяжёлые периоды, что нужно быть мудрой.

Мудрой.

Теперь это слово казалось ей плевок.

– Вам помочь с пакетами? – спросил водитель.

Марина вздрогнула и посмотрела на свои руки. На коленях лежал бумажный пакет с пирожными из той самой кондитерской, где они с Андреем когда-то праздновали первую годовщину. Сегодня он должен был прилететь только послезавтра, а она решила сделать сюрприз: вернуться с конференции раньше, поставить на стол кофе, пирожные, свечу.

Глупо.

До унижения глупо.

– Нет, спасибо, – сказала она и вышла из машины.

Дождь тут же ударил по волосам, по лицу, по тонкому пальто. Марина не раскрыла зонт. Почему-то показалось: если она сейчас остановится, если начнёт копаться в сумке, искать ключи, зонт, дыхание, остатки достоинства – она просто не дойдёт до двери.

В лифте пахло сыростью и чужими духами. Зеркало в металлической раме показало ей бледное лицо, размазанную тушь под одним глазом и губы, сжатые так крепко, будто она пыталась удерживать внутри крик.

«Может, он просто вернулся раньше. Может, заболел. Может, самолёт отменили».

На седьмом этаже было тихо. Слишком тихо для дома, где её ждали.

Марина открыла дверь своим ключом. Замок щёлкнул почти бесшумно. В прихожей горел мягкий свет. На полу стояли мужские ботинки Андрея.

Рядом – женские туфли. Красные.

Марина знала эти туфли.

Она сама выбирала их для Леры на день рождения.

Пальцы разжались. Пакет с пирожными упал на пол, коробка внутри глухо ударилась о плитку. Крышка приоткрылась, и белый крем выполз наружу, пачкая бумагу.

Из спальни донёсся женский смех.

Не громкий, не истеричный. Уютный. Домашний. Такой смех бывает у женщины, которая уверена, что ей здесь можно смеяться.

Марина стояла в прихожей и смотрела на красные туфли. Лера.

Её лучшая подруга Лера, которая сидела с ней на кухне после каждой ссоры с Андреем, гладила её по руке и говорила: «Ты просто слишком много думаешь. Он тебя любит. Мужчины такие, им нужно пространство».

Пространство.

В их постели.

Марина сделала шаг. Потом второй.

Дверь в спальню была не закрыта до конца. Из щели падала узкая полоска света.

– Ты с ней всё-таки поговоришь? – услышала она голос Леры. Ленивый, сладкий, чуть насмешливый. – Я устала прятаться.

– Не сегодня, – ответил Андрей. Марина замерла.

Она не узнала его голос. Или, наоборот, впервые услышала настоящего Андрея: спокойного, раздражённого, равнодушного.

– Ты всегда так говоришь.

– Лер, не начинай. У неё сейчас проект, нервы, опять будет сцена.

– А мне что делать? Смотреть, как ты играешь примерного мужа? Андрей усмехнулся.

– Примерного? Если бы ты знала, как она меня душит своей правильностью. Вечно смотрит так, будто я должен быть благодарен за её борщи, заботу и эти жалкие попытки сохранить семью.

Марина не дышала.

Всё внутри неё стало пустым. Не больным – именно пустым. Будто кто-то вынул сердце, лёгкие, кровь, оставив только оболочку в мокром пальто.

– Но квартира на ней? – спросила Лера. Пауза.

– Пока да.

Пока.

Вот слово, которое добило окончательно. Марина толкнула дверь.

Она не знала, чего ожидала. Крика? Сцены? Может быть, позорного желания, чтобы Андрей вскочил, побледнел, начал оправдываться, бросился к ней?

Он не бросился.

Андрей лежал на её стороне кровати. На той самой подушке, на которой ещё вчера Марина не могла уснуть, потому что ждала его с работы. Лера сидела рядом, завернувшись в их одеяло. Её

волосы были распущены, губы припухли, а на лице застыло выражение человека, которого застали не за преступлением, а за чем-то досадно неудобным.

– Марина, – сказал Андрей.

Не «прости».

Не «это не то, что ты подумала». Просто её имя. Сухо. Почти с укором.

Марина посмотрела на него. Потом на Леру. Потом снова на него. В комнате пахло вином, чужими духами и концом её жизни.

– Я вернулась раньше, – сказала она.

Голос прозвучал спокойно. Настолько спокойно, что Лера первой отвела глаза.

Андрей сел, натягивая простыню на бёдра.

– Нам надо поговорить. Марина кивнула.

– Нет.

Он нахмурился.

– Что значит «нет»?

Она медленно сняла с пальца обручальное кольцо. Оно не сразу поддалось, будто за годы брака приросло к коже. Марина потянула сильнее. Металл царапнул сустав. Больно. Хорошо. Значит, она ещё живая.

Она подошла к туалетному столику и положила кольцо рядом с Лериной помадой.

Золото тихо стукнуло о дерево.

– Значит, не надо. Лера вскинула голову.

– Марин, послушай, я не хотела, чтобы так...

– Молчи, – сказала Марина. Одно слово.

Тихое.

Но Лера замолчала сразу. Андрей резко поднялся.

– Не смей с ней так разговаривать.

Вот оно.

Не с женой. С ней.

Марина даже улыбнулась. Не весело – мёртво.

– Защищаешь? Как благородно.

– Ты сейчас не в себе.

– Ошибаешься. Кажется, впервые за долгое время я именно в себе. Она развернулась и пошла к выходу.

За спиной Андрей выругался.

– Марина, прекрати этот спектакль.

Она остановилась в прихожей, подняла с пола сумку. Пирожные так и остались лежать раздавленным комком у стены. Белый крем напоминал грязный снег.

Андрей вышел следом, уже в брюках, но босиком. В чужом, нелепом виде. Без привычной брони дорогих костюмов и уверенного тона.

– Ты никуда не пойдёшь в таком состоянии. Марина открыла дверь.

– Пойду.

– И куда? К маме плакаться? К юристу? Ты хоть понимаешь, что без меня не вывезешь ни ипотеку, ни компанию, ни свою красивую жизнь?

Она посмотрела на него через плечо.

– Красивую жизнь?

Андрей усмехнулся. В этой усмешке было столько презрения, что Марина вдруг поняла: он давно её не любил. Не вчера. Не месяц назад. Давно.

Просто она была удобной. Правильной. Тёплой лампой в прихожей, которую не замечают, пока она светит.

– Не драматизируй, – сказал он уже тише. – Ты всё равно никуда от меня не денешься.

Марина вышла из квартиры и закрыла дверь.

Не хлопнула. Не бросила последнюю фразу. Не устроила сцену, которой он ждал.

Просто закрыла.

В лифте она наконец начала дрожать. Не плакать – нет. Слёз не было. Только дрожь, крупная, противная, от плеч до пальцев.

Телефон завибрировал почти сразу. Андрей.

Она сбросила. Снова звонок. Снова.

Потом сообщение: «Вернись. Не позорь себя.» Следом второе: «Нам надо всё обсудить спокойно.» Третье: «Марина, ты ведёшь себя как истеричка.» Она вышла под дождь.

Ночь расплывалась в огнях машин, мокром асфальте, неоновых вывесках. Ветер бил в лицо, волосы липли к щекам, пальто промокло насквозь.

Марина шла, не разбирая дороги.

Ей казалось, что город смотрит на неё тысячами окон. Женщина без кольца.

Жена без мужа.

Дура без оправданий.

На пешеходном переходе загорелся зелёный. Она сделала шаг. И в этот момент телефон снова завибрировал.

На экране высветилось имя Леры.

Марина не знала зачем, но приняла вызов.

– Марин, – голос подруги был осторожным, почти мягким. – Ты только не делай глупостей. Андрей тебя не бросит. Просто... ну, так бывает. Ты же взрослая женщина. Не ломай всем жизнь из-за эмоций.

Марина остановилась посреди дороги.

Вокруг шумел дождь.

– Всем? – спросила она.

– Ты же понимаешь, вы давно были несчастливы.

– А ты, конечно, решила помочь. Лера вздохнула.

– Я его люблю.

Эти три слова оказались хуже всего.

Не потому что были неожиданными. Потому что прозвучали искренне. Нагло, просто, без стыда.

Марина закрыла глаза.

– Забирай.

– Что?

– Его. Его вещи. Его ложь. Его кредиты. Его мать, которая будет звонить тебе в семь утра и учить правильно резать лук. Его привычку унижать тебя шутками при друзьях. Его молчание. Его измены. Всё забирай.

На том конце стало тихо.

– Ты пожалеешь, – сказала Лера уже другим голосом. Марина открыла глаза.

Перед ней был свет.

Сначала она подумала: фары. Потом – что свет слишком близко.

Крик водителя разорвал ночь. Тормоза взвизгнули по мокрому асфальту. Телефон выскользнул из руки.

Удар.

Боли почти не было.

Только странная лёгкость, будто её наконец отпустили.

Марина лежала на холодной дороге, дождь падал ей на лицо, а где-то далеко-далеко Лера всё ещё кричала в трубку:

– Марина? Марина!

Она хотела ответить, что всё в порядке. Что теперь правда всё в порядке.

Но губы не слушались.

Последнее, что она увидела, – собственную руку на асфальте. На безымянном пальце осталась красная полоска от кольца.

Потом мир погас.

Она проснулась от запаха роз.

Слишком сладкого. Душного. Тяжёлого, как чужие похороны.

Марина резко вдохнула и закашлялась. Горло саднило, будто она кричала несколько часов подряд. Тело было ватным. Голова раскалывалась.

«Больница», – подумала она. Но больницы не пахнут розами.

И в больницах не бывает шёлковых балдахинов над кроватью. Она открыла глаза.

Над ней висела тёмно-алая ткань, расшитая золотыми нитями. За высокими окнами клубился серый рассвет. На стенах горели свечи. Настоящие свечи. Их пламя дрожало, отражаясь в огромном зеркале напротив.

Марина попыталась сесть и тут же поняла, что на ней не больничная рубашка. На ней было тяжёлое белое платье с кружевами у горла. Волосы – длинные, почти серебряные – рассыпались по груди. Она схватила прядь.

Чужие волосы.

Чужие руки.

Тонкие пальцы. Бледная кожа. На запястье – синий след, похожий на отпечаток чьей-то хватки.

Марина медленно повернула голову к зеркалу. И увидела не себя.

В отражении на кровати сидела молодая женщина невероятной красоты: фарфоровое лицо, острые скулы, светлые глаза, почти бесцветные губы. Красота была холодной, тревожной, как у статуи, которую однажды уронили и склеили заново.

Марина открыла рот.

Женщина в зеркале сделала то же самое.

– Нет, – прошептала она. Голос был не её.

Ниже. Мягче. Чужой. Дверь распахнулась.

В комнату вошли двое мужчин в тёмной форме. За ними – пожилая женщина в строгом сером платье. Все трое замерли, увидев, что она очнулась.

Пожилая женщина побледнела.

– Миледи... Миледи?

Марина вцепилась пальцами в покрывало.

– Где я?

Женщина не ответила. Только обменялась испуганным взглядом с одним из мужчин.

– Позовите герцога, – сказала она. Герцога.

Слово ударило по сознанию, как ледяная вода. Нет.

Нет, этого не может быть.